

Ван Ханьлинь отпил немного воды с сахаром и грушей — вкус был приятно сладковатым.

Горло сразу перестало саднить.

Он размышлял: раз уж выпал шанс прожить жизнь заново, нужно использовать преимущество своего знания будущего, но при этом не высовываться. Мудрость этой эпохи — вещь тонкая, новичкам вроде него не понять. Однако и позорить звание владельца Пространства нельзя.

Люди в этом Сыхэюане — народ со сложным характером, каждый норовит урвать кусок и не упустить своей выгоды. Нужно держаться от них подальше, развиваться тихо, став настоящим мастером маскировки.

При случае надо бы съехать из этого двора в другой, по соседству. Там и за жизнью соседей можно наблюдать, и от проблем держаться на расстоянии. Но делать это нужно постепенно, и успеть до 1955 года, иначе потом с переездом возникнут сложности. Мысли его невольно унеслись далеко вперед.

Он решил для начала обустроить свое Пространство: кроме зерновых, можно попробовать высадить редкие лекарственные травы. Хотя, наверное, это будет непросто. Лучше пока сосредоточиться на насущном.

Когда сумерки начали сгущаться, Ван Ханьлинь вышел из комнаты. Его жилище находилось в восточном проходном помещении среднего двора — не самое лучшее место. Он про себя отметил, что переезд просто необходим: когда появятся жена, дети, второй ребенок...

Места катастрофически не хватит. Менять, обязательно нужно менять!

Оглянувшись, он увидел, что Хэ Дацин перестал колотить Шачжу, в среднем дворе стало тихо. Правда, у семьи Цзя собралось немало народу.

Что за важные дела они там обсуждают? Впрочем, неважно, с этой семейкой лучше не связываться. Выйдя из среднего двора, он увидел, что Янь Бугуй закончил чистить велосипед и теперь любит плоды своего труда.

— Дядюшка Янь, велосипед чистите? Блестит как новый! — Ван Ханьлинь с улыбкой подошел к соседу.

— О, Сяо Ван, тебе уже лучше? Как самочувствие? — прищурившись, спросил Янь Бугуй.

— Дядюшка Янь, все в порядке. Еще немного отлежусь, и буду как огурчик. Болезнь уходит медленно, словно нить из кокона, — ответил Ван Ханьлинь с усмешкой.

— Сяо Ван, а ты ведь образованный человек! Правильно, учись у своего дядюшки Яня. Мы люди культурные, не чета этому Шачжу, который двух слов связать не может, — серьезно произнес Янь Бугуй.

— Дядюшка Янь, вы тут занимаетесь делами, а я пойду по нужде.

— Иди, Сяо Ван, иди. Будет время — заходи, поболтаем.

— Обязательно!

Выйдя из ворот Сыхэюаня, Ван Ханьлинь увидел на стенах хутуна лозунги: «Дадим отпор американцам, поможем корейцам, защитим страну и дом!», «Один пошел в армию — вся семья в почете».

Это время — лучшее время. Люди полны энтузиазма и патриотизма!

Он поспешил в туалет, терпеть уже не было сил.

Вернувшись, он обнаружил, что на улице совсем стемнело. Достал оставшуюся кашу из кукурузной муки — она еще была теплой. Красота!

Пожинав, он лег на кан и погрузился в раздумья. Как же скучно! Мир без смартфонов и компьютеров такой тихий. Он взял словарь и начал листать его. Незаметно стемнело окончательно, наверное, уже часов девять.

Ван Ханьлинь, закутавшись в старый ватник, проскользнул из Сыхэюаня.

Петляя по извилистым переулкам, он трижды сменил наряд и в конце концов превратился в сгорбленного старика.

У входа на Призрачный рынок двое людей, у которых видны были только глаза, хрипло прошептали:

— Покупаешь или продаешь?

Ван Ханьлинь ответил:

— Продаю.

— Десять фэней, — тут же раздалось в ответ. Ван Ханьлинь поспешно достал монету.

(Для удобства расчетов валюта была приведена к виду второй серии, выпущенной после 55-го года, чтобы избежать путаницы с обменом).

Ван Ханьлинь присел в углу рынка у ворот Чаоянмэнь. Перед ним на грубой ткани лежало пять цзиней муки высшего сорта. Он неспешно наблюдал за покупателями.

Люди в эту эпоху такие худые, не то что в 2024 году, где все помешаны на стройности, да так, что доводят себя до отказа почек таблетками! Что бы сказали на это люди будущего? — размышлял он.

— Ты, мука эта... — женщина вдруг подошла ближе, собираясь понюхать товар. Ван Ханьлинь незаметно сыпал мешок угольной пылью из рукава:

— Складские остатки, залежалое зерно, сестренка, не обессудьте.

Глядя на лицо женщины, он понял — она хочет купить.

— Почем мука? Заберу всё.

Ван Ханьлинь тут же подхватил:

— Раз забираете всё, то по пять мао за цзинь. Это настоящая мука высшего сорта, посмотрите сами — лучше не найти. Не пожалеете, паровые пампушки из такой будут белее снега.

Женщина, не раздумывая, отдала деньги, и товар быстро перекочевал к даме в ленинке.

В Пространстве новые купюры опустились в заранее приготовленный камфорный сундук. Ван Ханьлинь пересчитал толстую пачку, и на его лице появилась фирменная улыбка хитреца.

Торговля — дело прибыльное. Он поднялся, решив посмотреть, что еще есть на рынке.

Этот ряд был с антиквариатом. Вещи выглядели солидно, но он в них не разбирался. Как отличить подделку?

Фальшивки делали и в эпоху Цин, причем куда искуснее, чем сейчас. Ладно, вот если бы встретился какой-нибудь эксперт уровня Цзюмень тиду, тогда бы он поучился.

Слишком поздно, пора домой, а то только раззадорился.

На следующее утро, еще до рассвета, Ван Ханьлинь тихо вышел из дома и направился к пустырям за воротами Дунчжимэнь. Там текла дикая речка — нужно было набрать воды для Пространства.

По пути он встретил нескольких рабочих, спешивших на смену. Все с любопытством поглядывали на его тяжелые баулы.

Ван Ханьлинь здоровался со знакомыми:

— Мужики, поели уже?

Те отвечали:

— Поели! А ты куда это собрался с такой ношей?

— В родную деревню еду, к родителям. Везу то, что они просили купить!

— Ну ты даешь, путь-то неблизкий, устанешь сегодня, — сказал один старик.

Этот старик, дедушка Лю, знал, что родина Ван Ханьлиня — деревня Ван в уезде Чанпин, к северу от Бэйпина. Большинство жителей там носили фамилию Ван. Во время войны с японцами все они ушли в горы и вернулись обратно только после капитуляции врага в 1945-м.

— Да уж, дедушка Лю, делать нечего. В деревне сейчас всего не хватает, а я сын, должен помогать. Иначе какой я мужчина из Пекина! — Ван Ханьлинь с улыбкой протянул старику пачку сигарет Дацияньмэнь.

В старом Бэйпине люди любили называть друг друга дедушками.

— Эй, парень, не называй меня дедушкой, сейчас это не в моде! Теперь нужно говорить товарищ! Товарищ Лю! Запомни, а то подставишь меня... — старик испугался, на лбу у него выступил пот.

— Ха-ха-ха... Да не бойтесь вы, я же шучу!

— Ох, сорванец, иди уже, а то опоздаешь!

— Ухожу, товарищ Лю.

Он шел больше часа. Дома поредели, вокруг расстилались поля, а вдалеке виднелись горы.

Вдруг он заметил ребенка, который украдкой наблюдал за ним. Мальчик был в лохмотьях.

— Ты чей будешь? Почему здесь один? — спросил Ван Ханьлинь.

Ребенок робко ответил:

— Папка заболел, я еды ищу.

Сердце Ван Ханьлиня дрогнуло. Он достал из Пространства немного сухпайка, отдал мальчику и наказал никому не рассказывать. Ребенок со слезами благодарности убежал.

Ван Ханьлинь посмотрел ему вслед, думая о том, что в этой жизни обязательно нужно совершить что-то стоящее и по мере сил помогать обездоленным.

Он побродил по пустырю в поисках подходящего места для забора воды.

Вдруг он услышал шум ссоры. Несколько хулиганов притесняли старого крестьянина, пытаясь отнять у него собранные дикорастущие овощи.

Ван Ханьлинь нахмурился и гаркнул:

— А ну, что вы творите!

Хулиганы увидели, что он один, и окружили его.

Ван Ханьлинь не испугался. Когда они подошли ближе, он ловко применил несколько приемов борьбы, и через мгновение бандиты уже валялись на земле.

Вымаливая прощение, они позорно сбежали, то и дело оглядываясь на него — явно запоминали лицо, чтобы потом отомстить.

Старик рассыпался в благодарностях, но Ван Ханьлинь отмахнулся, мол, пустяки.

Затем он помог старику собрать еще овощей и отправился дальше.

<http://bllate.org/book/18479/1773172>